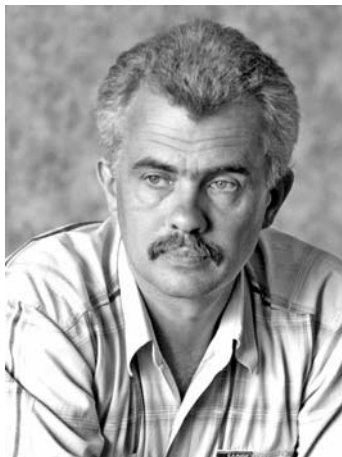

АНАТОЛИЙ КРЕЙДИЧ

ОДНАЖДЫ НА ПЕРРОНЕ

РАССКАЗ

После продолжительных холодов было потеплело. И вот снова несколько дней кряду морозит и дует колочий студёный ветер.

Лейтенант милиции Алик Карчевский за всю дорогу от райотдела до железнодорожного вокзала ни словом не обмолвился со своим коллегой, старшим оперуполномоченным отдела по борьбе с экономической преступностью Степаном Нефёдом.

Молча прикурили от одной зажигалки и так же молча дымили в настывший воздух. Чтобы сократить путь, свернули в незаасфальтированный переулочек. Разбитые комья грязи окаменели на морозе, не липли к подошвам, как несколько дней назад, но шагать по ним всё равно было неудобно. Будто по разбросанным повсюду камням.

Алик заслонился от ветра высоким воротником утеплённой меховой подкладкой куртки. Начальник снова выпер их из тёплого прокуренного кабинета ловить “мешочников” — так называемых мелких контрабандистов, которые скупают в магазинах колбасу, копчёные окорока, сыр и даже молоко в литровых целлофановых пакетах и вывозят всё это за границу, где перепродают гораздо дороже. Придумал же кто-то те проклятые границы. Раньше была одна великая страна с одинаковыми всюду ценами. Так нет, порезали, покроили на части, поотделялись, наплодили этих трутней-челноков. Ничего для своего государства не делают, опустошают магазины, думают только о себе, набивают кошельки. А ему, Алику, лови их, порти нервы за

КРЕЙДИЧ Анатолий Николаевич родился в 1965 г. в д. Завершье Дрогичинского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор ряда книг прозы. Лауреат премии журнала «Маладосць» и премии Белорусского союза молодёжи в области журналистики и литературы. Живёт и работает в г. Иваново.

мизерную зарплату, наживай себе врагов. Ушёл бы куда-нибудь с этой опостылевшей неблагодарной должности, из-за которой не одного кровного врага нажил, да, как сказал однажды начальник, кто им после двух-трёх лет службы в этом отделе даст более-менее приличную работу. Одних руководителей они штрафовали, на других заводили уголовные дела... Те, правда, обычно выкручивались, а такие, как он, рядовые службисты записывались ими в разряд заклятых врагов. Руководители свирепеют, когда начинаешь под них копать, потому что, считают они, без нарушений нынче невозможно успешно хозяйствовать. И вот получается, что мешают им эффективно вести дела как раз они, блюстители порядка, влезajúщие, ничего не понимая, туда, куда их не просят влезать. Попал так попал... А тут ещё квартиру обещают. В тёщиных двух комнатах тесновато с ребёнком. Третий год ждут своего уголка, а его всё не дают и не дают. И неизвестно, когда дадут, хоть и обещали, приглашая на работу, в крайнем случае через полгода-год. Два одноклассника давным-давно получили от завода по три комнаты, третий — столяр строительной организации — вон, четыре комнаты отхватил. Живут себе припевая, без стрессов, без тревог, водку посасывают, иногда гоняют, залив бельма, жён по роскошным своим хоромам, а те лишь толстеют да свежеют. В то время как он, приличный, образованный гражданин, послушный, заботливый муж, защитник интересов государства, вынужден вот так прозябать в тесноте и бедности. Тот одноклассник, что в строительной организации, работает вахтовым методом (день на работе, два — дома) и, оказывается, тоже коммерцией промышляет. Вчера аккуратно поймал его на перроне с огромными баулами. Но пожалел, отпустил. Одноклассник всё же. А сегодня от начальства получил по пятое число за то, что ни одного протокола не составил.

Вокзал — сиротливая будочка за городом, на отшибе — показалось, появился слишком быстро, неожиданно. Здесь ветер ещё сильнее обжигал лицо. Рука, в которой сжимал папку с чистыми бланками протоколов, околела даже в перчатке. На бетонных плитах перрона остановились, осмотрелись. Обложенные побелённым кирпичом клумбы топорщились высохшими стеблями то ли цветов, то ли сорняков. Людей было не много, а главное, рядом с ними не возвышались прищепы-поклажи.

Первым произнесённым Аликом словом было: “Сколько?”

— Ещё двадцать минут, — был такой же сухой, едва выдавленный из посиневших уст ответ.

— Снова недоспать придётся, — недовольно пробубнил Алик.

Утром, в половине пятого следующего дня, на станции останавливался ещё один “их”, как они называли, поезд. До начала работы можно было побегать к нему и наловить “жучков”, это значит — нарушителей, тем более что как раз этим поездом обычно и ездят те, на кого они охотятся. Не случайно в народе его прозвали “товарняком”.

Во-первых, в такое время ещё совсем темно, и можно незамеченным выскочить из кустов и шмыгнуть в вагон, во-вторых, менты в такое время по обыкновению спят, и даже прятаться нет нужды. Редкие утренние облавы обычно приносили богатый улов. Вот только вставать приходится в три часа ночи. Хорошо ещё, если ребёнок даст немного поспать, а если разорётся, если придётся до полуночи убаюкивать-утешать его? И после этого пешком топтать на ненавистный вокзал? Нет, об этом лучше не думать. Эх, как хорошо было в школе, в институте...

Толчок в спину перебил мысли-переживания.

— Смотри, — Степан показал глазами на жёлтый “Мерседес”, из которого выпрыгнула шустрая дамочка в полушубке и джинсах.

Вот она осмотрелась, нырнула в салон, вытащила огромный полосатый баул. Вот достала из багажника другой. “Мерседес” рванул с места и исчез так же неожиданно, как появился.

— Эти женщины — настоящие ломовые лошади. Куда до них мужикам. — Степан смотрел на дамочку, как кот на мышку.

А та, словно муравей, тащила к перрону огромные и, судя по всему, очень тяжёлые сумки. Каждый шаг отражался на её лице гримасой. Она кривила губы, морщилась, но останавливаться и не помышляла. Вот упорство, вот сила воли, на государственной службе так вкалывала бы.

— Беги, поезд на подходе.

Алик побежал.

— Вам помочь? — и вытянул из нагрудного кармана красное свидетельство.

Она вскинула несколько не испуганные, скорее игривые, большие и выразительные глаза.

— Алик? — растерялась разве что на мгновение. А потом как-то грустно улыбнулась всем лицом, вздохнула: — Ну, вот и встретились...

Он какое-то время стоял с поднятым на уровень груди свидетельством оперуполномоченного. В двух-трёх метрах от них прогромыхал, замедляя ход, тепловоз, промелькнули первый, второй, третий вагоны.

— Ой, и поговорить некогда, — она уверенно подхватила сумки.

— Не спешите, приехали. — Это подошёл Степан и тоже продемонстрировал красную книжечку. — Показывайте, что в сумках.

— Степан Степанович, одноклассница. — Алик поймал себя на догадке, что смотрит на компаньона умоляющим взглядом, словно упрасивает, чтобы тот позволил отпустить молодницу, и осёкся.

— Вчера одноклассник, сегодня одноклассница. Хватит. — И к ней: — Чего стоите, открывайте сумки.

Поезд всё ещё не трогался с места. За тремя фигурами следила с высоты тамбура плацкартного вагона проводница. Следила спокойно, видно, привыкла видеть такое не только на этом небольшом полустанке.

Задержанная только сейчас поняла, что церемониться с нею не собираются, передёрнула губами, задрожала, сделалась похожей на воинственного оскалившегося зверька.

— Что ж вы, сволочи, делаете, что вам от меня нужно?! — Она не спрашивала, просто кричала. — Что вы всё путаетесь под ногами, жить мешаете? Думаете, из роскоши таскаю эти проклятые сумки, думаете, легко мне? Не наживаться же еду, а чтобы выжить, выжить... Алик, ну скажи ему, скажи...

— По вашей одежде что-то не заметно, чтоб выжить, — Степан, видно было, и не собирался уступать.

— А что же мне, по-вашему, в лохмотьях ходить? — Теперь её лицо исказила какая-то неведомая, но, судя по всему, сильная внутренняя боль. В этом выражении было всё: и растерянность, и ненависть, и страх, и отчаяние, и мольба... Хотела ещё что-то сказать, да красивые подкрашенные губы дрожали так неумно, что слова о них разбивались, и она заплакала.

...Когда-то у них был роман. Зелёный, школьный. Они даже собирались пожениться. Об их отношениях знали не только родители, но и вся деревня. Свадьбу предполагали сыграть по возвращении Алика со службы в армии. Казалось бы, небольшой срок — полтора года. Да девичьей верности только на год и хватило. Никто и удивиться не успел, как выскочила за горожанина, что приезжал на лето к родственникам, переехала в город. Через шесть месяцев после свадьбы родила. Люди говорили, что долго она с этим неуравновешенным не прожила. Разбалованный родителями и лёгкой, разгульной жизнью муж держал её за домработницу, иной раз поднимал руку, и она ушла, развелась, перебралась вроде бы на частную квартиру.

Только теперь Алик наконец понял, почему его первая любовь забросила школу, учительство и с головой окунулась в опасную коммерцию. Вспомнил, как кто-то в деревне, уже и забыл, кто, судачил, будто бы она собирается покупать в городе двухкомнатную квартиру. Дескать, пусть все видят, чего стоит он, который по сей день живёт с родителями, и она, у которой и ребёнок ухожен, да ещё на "отлично" учится, и завидное жильё со всеми удобствами заимела, и вся обстановка в том жильё шикарная. Так вот что, оказывается, толкает её на верблюжий труд. Вот оно какое, её выживание. Может, если б меньше было в ней гонору, если б могла терпеть унижения, уступать, промолчать, где надо, как многие жёны, то и жила бы себе до глубокой старости семейной жизнью. Но... не тот характер, знает себе цену. И, наверное, здесь и в самом деле есть что ценить.

Алик всё ещё хранил в себе нежные чувства к этому милому и упрямому созданию. Но не настолько они были сильны, чтоб из-за них теперь выгора-

живать женщину, пусть даже когда-то любимую, ценой собственного благополучия. Не дай Бог, начальник пронюхает, что он стал на сторону нарушительницы. В лучшем случае обматерит и объявит выговор, в худшем — заставит писать рапорт об увольнении. Скорее всего, ему светит последнее. Но и наказывать её что-то всё не позволяло. Именно в эту минуту всплыли в памяти их встречи за селом, у речушки, первые поцелуи, тёплые густые туманы, которые, как тогда казалось, заслоняли их от чужого глаза... Да что уж теперь об этом думать-то! Теперь у него семья, дети. Вот о ком надо печется. Не такой уж он неисправимый романтик, чтобы то юношеское увлечение, которое, ко всему, уже начинало забываться, отняло рассудительность, заставило поступиться добытыми тяжёлым, сплошь на нервах и стрессах, трудом благами, вернее, ещё только надеждами на блага, прежде всего на квартиру.

И всё же... Её родители дружат с его стариками. Помогают друг другу, не ровняя, словно самые близкие родственники. Как они хотели породниться, как жалели, что разладилась судьба. И теперь относятся к нему, как к родне. Что они скажут, когда узнают (а узнают же, обязательно узнают), что он, Алик, сделал их и без того неудачливую дочь преступницей? Значит, только притворялся, что не держит зла. Эту торговлю, которой она занимается, в деревне никто не считает грехом, дескать, надо же как-то выживать. А коммерцией нынче не промышляет разве что самый ленивый. Понятное дело, они расценят его принципиальность как месть. Вся деревня загудит, хоть домой не приезжай. Скажут: ага, нашёл Алик топор под лавкой. Тотчас приговор вынесут без прокуроров и адвокатов — не отмоешься... Эх, почему он не родился в городе? Хоть бы в таком маленьком, в каком теперь живёт. А ещё лучше, в большом, в небоскрёбе на сотни квартир, где даже соседи по лестничной площадке ничего друг о друге не знают, не нужно ни на кого оглядываться. Тут же вся деревня — словно одна семья. Ещё и из поколения в поколение будут передавать эту, конечно же, по-своему истолкованную историю.

Мысли, воспоминания наплывали и наплывали, а решение надо было принимать мгновенно, тотчас. Где гарантия, что Степан промолчит в отделе?

Состав тем временем громыхнул всей своей железной тяжестью, откатился немного назад, проводница спросила, закрывать ли ей двери, женщина схватила сумки, рванулась к вагону. Степан догнал, схватил её за руку, крикнул: “Алик, мать твою, чего стоишь?” — и бросил на него разъярённый взгляд.

Алик подбежал и схватил её за другую руку.

Мгновение, и поезд уже отбивал такт железом по железу, набирал скорость, замелькали вагоны...

— Берите мои руки, берите, наденьте на них наручники! — Пленница истерично визжала, плакала, на Алика не смотрела, словно игнорировала, а когда в какое-то мгновение бросила короткий взгляд, то ничего, кроме презрения, в нём не прочитывалось.

— Придёт время, наденем. — Степан ещё не отдышался, но говорил спокойно. Он на эмоции — чьи бы они ни были — не обращал ни малейшего внимания, как, впрочем, не замечал их и Алик. Он лишь жалел, что отпустил вчера одноклассника.

Перевод с белорусского автора